

Мистика. Мистика во всем. Не глаза — неподвижные магниты, не голос — скрежет. Авилов отталкивал, Авилов притягивал. Третьего не дано.

Роли — такие, что ради каждой хоть умереть. Гамлет, Мольтер, граф Монте-Кристо, Кочкарев, Воланд, Калигула... Притом что бывший шофер "МАЗа" Виктор Авилов — "академик не кончал", в театральном даже не думал поступать. Самоучка? Самородок!

Он и умер, подобно мистическому герою. Зная о скорой кончине, и не думал уходить со сцены. А лечиться от страшной болезни поехал в Сибирь. К народному целителю, которого официальная медицина почитает за шарлатана. Но герои никогда не становятся стариками.

22 августа 2004 года Авилова не стало. Спустя сорок дней после смерти актера корреспондент "МК" встретился с его женой Ларисой.

Жена Виктора Авилова: "Ему нужно было родиться волком и жить в тайге"

УЗНИК ЗАМКА "СМЕРТЬ"

УЗНИК ЗАМКА "СМЕРТЬ"

"Когда открыла дверь, поняла: все — человек сгорел"

— Лариса, прошло 40 дней, хоть немного успели отойти от случившегося?

— Я не знаю, сейчас у меня такое впечатление, будто бы Витя в командировке и скоро вернется. Последние полгода он очень интенсивно работал, в лучшем случае видела его дней десять в месяц. Я привыкла к его отсутствию. Но вот прошло уже сорок дней, а мне все кажется, что вот-вот откроется дверь, и войдет он.

— Последние месяцы стали для вас самыми тяжелыми?

— Имеете в виду его болезнь? Конечно, это было очень тяжело. Как мы потом выяснили, такой степени рака, как у Вити, просто в природе не существует. Когда сделали томограмму, нам сказали, что живыми, непожаренными у него остались лишь половина органов. В желудке — опухоль размером с мой кулак, метастазы — в легком, в позвоночнике, в тазовой кости. Как оказалось, Витя болел уже очень долго — лет девять...

— Неужели за все это время ваш муж ни разу не обследовался?

— А Вито послать, чтобы он сделал УЗИ, — это почти нереально. В свое время у него было прободрение язва, в Германии сделали операцию. И вот говорят, что вроде тогда неправильно соросились ткани, и болезнь начала развиваться. Какое-то время Вито ничего не беспокоило, потом он стал жаловаться на постоянные желудочные боли, но всегда повторял: "Опять язва схватила". По врачам не ходил. Он считал, что настолько сильный, что эту язву сам в себе вычленил. Два года назад Витя подхватил туберкулез, лечился. Потом стали беспокоить боли в позвоночнике. Сначала он думал, что его проскозило, потом — что надорвался. А ведь это было совсем недавно — весной.

— Я и сам вместе с ним разговаривал: голос вроде был нормальный, бодрый. А уже в августе — вот такое известие.

— Ну да. Перед тем, как 3 июня мы улетели в Израиль со спектаклем "Мастер и Маргарита" (Оля Кабо — Маргарита, Витя — Воланд), его настолько прижало, что он поехал-таки в свою туберкулезную клинику и сделал УЗИ желудка. И, видно, врачи что-то заметили, потому что взяли у него биопсию. Сказали: "Витя, тебе не нужно туда ехать". Но Витя: "У меня контракт, билеты проданы, подвести я никого не могу — мы едем".

И 11 июня ему стало совсем плохо — встать он уже не смог.

— Спектакль, конечно, отменили?

— Все спектакли он там отыграл, все. С дикой болью: на уколах, таблетках... Так мало того: мы вернулись в Москву 14-го числа, и через день он улетел на Сахалин. Потому что тоже билеты проданы. А там вообще кошмар: самолет летит четыре часа, потом еще ночные перемещения по городам на автобусе. В общем, когда он прилетел домой, я открыла дверь и увидела: все — человек сгорел.

— Мне говорили, что перед смертью ваш муж весил чуть ли не 30 килограммов.

— Нет, ну это — врут. 55—57 килограммов, притом что нормальный его вес — 77—78... Тогда посмотрела на него — желтый, бледный, совершенно изможденный человек. Ну что болит — позвоночник? Мы поехали в Центр Дикуля сделать томограмму позвонка и УЗИ. На томограмме нам ничего не сказали. А после УЗИ девочка, которая делала, спросила у меня: "Жена?" — "Да, жена". — "Давно вместе?" — "14 лет" — "Ну тогда идите со мной". Завела меня в комнату, говорит: "У вашего мужа, по всей вероятности, четвертая степень онкологии, и он уже неоперабелен". И все.

— Виктор знал об этом?

— С первого дня.

— Обычно ведь такое не говорят.

— Ну я вышла оттуда зареванная, вообще никакая, и он сразу все понял. От Вити невозможно было что-либо скрыть, он что-то видел, что-то знал, как будто свыше. Однажды, еще в мае, как-то утром проснулся — Витя не спит. "Лара, я себя плохо чувствую". "Что случилось?" — спрашиваю. "У меня рак" — и показывает себе на грудь. Первая моя реакция была: "Что ты на себя наговариваешь?" Он ответил только: "Нет, я чувствую — у меня рак". Все, больше на эту тему мы не разговаривали. До того самого дня, когда узнали, что это действительно так...

— Если Витя хотел, он мог обаять любую женщину?

— Мы познакомились в 89-м году в Одессе... — Лариса закуривает очередную сигарету, на ее лице впервые появляется улыбка.

— Насколько я знаю, и Виктор был женат, и вы были замужем. И он увел вас от мужа...

— Да никто никого не увел. Мой муж, тоже кстати Виктор, служил попутчиком на корабле дальнего следования и в тот момент находился

в рейсе. А мне — 19 лет. Уже тогда я пошла на Одесскую киностудию, и кем там только не работала: и помержем, и ассистентом по площадке, и костюмером, и даже каскадером — занималась же конным спортом, гимнастикой — все в одном лице. И встретила с Витей на одной из картин. В то время я еще не видела ни одного фильма с его участием, не знала его абсолютно.

— У Авилова внешность очень необычная, колоритная. Этим и произвел впечатление?

— Нет, я была удивлена, что люди с такими лицами еще живут.

— То есть?

— Он мне сразу напомнил древнюю икону. Приглядываясь и подумала: "Вот, повезло же человеку". Потому что для кино — это все... А я тогда еще принесла на студию альбом своей звездной, девочки попросили, положила на стол — смотрели все кто хотел. Вдруг посреди рабочего дня меня окликнул режиссер: "Лара, я не понял, где наш актер?" Я бегом — на поиски. И вдруг вижу: сидит Витя в углу и листает мой альбом. "Это что?" — показывая на фотографии. "Я вышла замуж". "Такая молодая, — поднимает на меня глаза, — Зачем же ты так потропила?" Зимой, под Новый год подарил цветы. Утром прихожу, а на моем рабочем столике стоит шикарный букет роз. А я, девочка, выросшая в Одессе, знаю, сколько это стоит. Стала выяснять, от кого. Мне, конечно, тут же все доложили. Ну а на Старый Новый год у нас завязались уже отношения, так сказать, не платонические. Часто скажу, чувствовала себя отравительно.

— Почему? Совсем мучила?

— Я считала, что это неправильно. Все-таки замужняя женщина. Но уже было поздно.

— Чем же Авилов вас покорило?

— Да всем. Когда Витя хотел, он мог обаять практически любую женщину.

— Вам было лестно внимание такого известного актера?

— О чем вы говорите! Мы уже жить начали вместе, я ему все твердила: "Господи, лучше бы ты был обычным шофером". Потому что излишнее внимание окружающих к нашей совместной жизни порой просто убивало.

— Ну а что же первый муж, так просто отпустил?

— Он вернулся из рейса, и я все ему рассказала. Врать я никогда не умела.

— Много было криков, слез?

— Не было ничего. Виктор, первый мой муж, — интеллигентный, воспитанный человек.

— Но оба Виктора между собой по-мужски поговорили?

— Нет. Тут решение должна была принимать женщина.

— А были сомнения?

— Мой муж дал мне карт-бланш. Он сказал: "Если ты считаешь, что это сильное чувство и ты не можешь в себе его побороть, ну развлекись".

— И возвращайся, да?

— Он пять лет не давал мне развод. Только в 96-м мы с Витей смогли официально расписаться.

— У вас ведь с Авиловым довольно большая разница в возрасте?

— Витя 53-го, я 71-го. Значит, 17... С половиной. Но я никогда не чувствовала этой разницы.

— Он был такой молодой или вы — уже такой пожилой, зрелой?

— Не знаю, никогда не задавала себе этот вопрос. Мы просто подходили друг другу, вот и

Виктор Авилов МОНОЛОГИ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Об актерском мастерстве и не только...

О том, что Авилов — уникальный артист, знали многие, но вот то, что он писал книги, было известно лишь самым близким ему людям. Причем книгу необычную, не из тех, где рассказывает про себя и свою жизнь в искусстве, а книгу, в которой артист пытается докопаться до истоков актерской профессии и рассказать о высокой миссии театра. Это свое дело он почти довел до конца...

Сегодня "МК" впервые публикует некоторые фрагменты книги Виктора Авилова.

Театр. Что это такое? Спросите любого зрителя, и если он скажет, что существует однозначный ответ на этот вопрос, то я ему не поверю. Да и вряд ли вы услышите подобное утверждение от настоящего театрала. Ответить однозначно совершенно невозможно! Шекспир сказал: "Весь мир — театр". А я переработал бы его слова так: "Театр — это весь мир". Если и уместны вообще какие-либо определения этого Искусства, то наиболее подходящие слова — Загадка... Тайна... Ирреальность... А все необъяснимо, непознанное испокон веков влекло к себе человека. Вот почему зритель, истинный ЗРИТЕЛЬ, приходит в театр. Он просто не может туда не ходить...

Биоэнергетика — это все есть! Об этом даже спорить не может быть. Передается? Да!!! Передается. Тут вопрос в том, насколько тот или иной актер ей владеет и какой заряд несет. Кто-то несет сплошной негатив, кто-то наоборот. Опять же, насколько человек вообще способен что-то отдать. Ведь есть такой тип актеров... скажем мягко, интровертных. Он страдает, переживает, все очень четко, грамотно, органично, но все в себе. Такая игра "для себя" рождает у зрителя вопрос: мы не мешаем, нет? Может, мы пойдем? У меня сразу создается впечатление, что такой игрой, такой режиссурой зрителью говорят: хочешь — смотри, хочешь — нет. Мне кажется, такой подход просто недопустим! Нет, ребята! Раз уж вы пришли, то пока идите спектакля, вы будете здесь, со мной! Только так!

Некоторые пьесы обладают просто мистическими свойствами. К этой категории относится "Макбет", "Пиковая дама", "Мастер и Маргарита". Володя Соцальский из Театра Советской Армии рассказывал такую историю: у них в театре шел "Макбет", он играл самого Макбета. "Однажды, — рассказывает он, — прихожу в гримерку, а за моим столиком сидит какой-то парень и гримируется моим гримом. Сначала я подумал, что это какой-то новый актер, которого недавно взяли в труппу, перепутал гримерки. "Вы кто, молодой человек? Что тут делаете?" — спрашиваю. "Как что? Гримируюсь. Я сегодня играю спектакль", — отвечает тот... "А кого вы играете?" — "Как кого? Макбета!". Володя сам рассказывал: "У меня сразу пронеслась в голове вся эта чертовщина, и стало просто страшно. "Как, — говорю, — Макбета? Почему?" — "А вот так. Я сегодня играю Макбета".

Володя вышел из гримерки и пошел в администрацию разобрататься, что происходит... Пришел, рассказывает: так, мол, и так... Те говорят: "Что за ерунда! Никто тут никого не мещает! Режиссер бы вам сказал, если бы была замена!" Стали разбираться. Оказалось, что этот парень ходил на этот спектакль, на "Макбета", много-много раз. Потом он устроился работать в театр пожарным. Проработал там некоторое время. При этом продолжал ходить на каждого "Макбета". И в один прекрасный день у него, как говорится, крыша поехала, и он настолько стал олицетворять себя с этим персонажем, что выкинул вот такой фортель.

А с тем же "Мастером и Маргаритой"!.. Старуха ненормальная к нам забрела... Мы

репетируем на сцене, вдруг приходят монтировщики: "Ребята, там бабка какая-то стоит посреди гримерок... Ну на вид ей лет сто пятьдесят, не меньше! Зашла, стоит на втором этаже, внятно ничего не говорит... Как она вошла — непонятно. Со служебного входа, наверное. Она белая, как лист бумаги, глаза совершенно невменяемые... Спрашиваю ее: "Бабуля, вам чего? Вы как сюда попали?" Она только мычит бессвязно. Чего с ней делать-то?" А мы все в процессе, там у нас бал Сатаны... Романыч говорит: "Ну выведите ее отсюда!" — "А куда мы ее выведем-то? Куда ее девать?" — "Не знаю, разберитесь как-нибудь с ней, мы дальше пошли репетировать". А оно и не репетируется уже... Слава Федоров приходит из гримерок, мы спрашиваем: "Ну чего там?" — "Мы ее положили у нас в комнате отдыха на диван, накрыли одеялом. Она трясется вся, мерзнет..." "Она хоть что-нибудь сказала?" — "Да нет, мычит, и все". Куда она потом делась — не знаю.

...Но это все мелочи. А был и просто страшный момент. Может быть, это, конечно, всего лишь совпадение, но... Я репетирую сцену, где говорю Берлиозу: "И в самом деле, вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими, и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого... да, саркома, и вот ваше управление закончилось".

И именно в это время друг мой в Одессе умирает. Такой замечательный человек, так я его любил! Умирает именно от этого. Я произношу на репетиции этот текст, и именно в это время звонок из Одессы: "Витя, срочно вылетай, Слава умер". Скольким раз на репетиции я повторял эти слова про саркому легкого! И вот полетел хоронить парня.

В репертуаре театра "На Юго-Западе" есть спектакль "Мольер" по пьесе Буглакова "Кабала святош". Спектакль достаточно эмоциональный, вызывающий ответную реакцию, сопереживание. Он у нас богат на всякие курьезы. Вот, например, однажды "Мольер" закончился, все актеры уже разошлись, в театре оставались только администраторы. Вдруг — стук в дверь. Что такое? Оказывается, одна зрительница просто забыла, что надо забрать плащ в гардеробе, одеться. Она была настолько захвачена эмоциями, поглощена переживаниями, что так и дошла без плаща аж до метро.

Или еще был такой эпизод: после этого же спектакля, в финале которого Мольер умирает, приходит ко мне администратор: "Витя, спустись в фойе, там с женщиной истерика. Она рыдает и все, никак не может успокоиться". — "А я-то что могу сделать? Что я скажу ей?" — "Покажись, что ты живой!" Я выхожу, смотрю — действительно женщина заливаясь горючими слезами, просто навзрыд. Я говорю: "Ну не плачьте, успокойтесь! Видите, я живой!" А она не может остановиться, слезы в три ручья. И плачет она о том, кто только что умер на сцене, а не обо мне, который выходил после этого на поклон. Она меня реального уже не воспринимает. Вот там был Мольер, он умер, а я вроде как уже и не он. И дело не в том, что я уже переоделся. Вернее, не только в этом... Я-то уже здесь, а она еще ТАМ.

всего. Я знала, что хочет Витя, Витя знал, что хочу я. Конечно, его очень царапало, когда мы гуляли по улице или шли что-то покупать, а окружающие спрашивали: "Это ваша дочь?" Вот это его жутко задевало.

— Я знаю, вы — его третья жена. О первом браке мало что известно...

— Витя пришел из армии, встретил женщину старше себя, уже с ребенком. Насколько я понимаю, женился — наперекор родителям или для того, чтобы все считали его взрослым. Потом, в Театре на Юго-Западе, познакомился с Галей.

— О Галине многие по-доброму отзывались, говорят: хорошая семья была, две дочки.

— Да, но я ничего не знаю о Гале как о человеке. Мы никогда близко не общались — ни к чему было. Наверное, ей тяжело пришлось: в 32 года остаться с двумя детьми.

— С дочерьми Виктора вы общались?

— Мы как-то собрались в Одессу, и Витя захотел взять с собой дочерей. Но ничего не вышло. Он приехал к Гале, хотел поговорить с ней на эту тему, но произошедший скандал, детей она никуда не отпустила. Потом Гая поддала на алименты — и чего я буду туда лезть?

— Лариса, у вас ведь нет детей?

— Нет. Но это давнишняя история. В самом начале наших отношений с Витей я забеременела. Еще была замужем, Витя не был разведен. И куда?

— Но Виктор хотел еще одного ребенка? Вашего ребенка.

— Он не был на этом зациклен. Но знаете, два года назад я ведь снова забеременела. Но не сложилось. Витя тогда лечился от туберкулеза, проходил курс химиотерапии — мой организм просто не смог вытратить ребенка, который изначально был заражен. А так... Мы уже знали, что будет мальчик, Витя даже имя ему придумал — Семен. Но, когда встал вопрос — я или ребенок, — он сказал — жена...

"Он запил, когда потерял сестру"

— В Авилове, с его такой необычной, немного пугающей внешностью, многие угадывали чуть ли не экстраординарные способности.

— А он как раз и обладал такими способностями. Лично по себе знаю. Как-то в Одессе у меня схватили почки. С детства страдала хроническим пиелонефритом и знаю, что это такое. Так Витя меня поднял — через 20 минут я перестала чувствовать боль, стала ходить.

— А что он сделал?

— Просто водил по мне руками, грел живот и таким образом снял боль. Одной из своих бабушек, я знаю, он убрал бельмо на глазу. А уж головную боль Витя снимал мне постоянно. Он увлекался нетрадиционной медициной, много читал, экспериментировал. Потом, конечно, забросил — появилось больше работы, и стало совсем не до книжек.

— Вы сказали, что, если Виктор хотел, он мог увлечь любую женщину. Тяжело с таким жить?

— Мне — легко. У нас отношения строились по принципу: не врать. Если мне нравился какой-то человек, я Вите сразу честно в этом признавалась. И мы начинали разбирать: почему он мне

нравится и нравится ли вовсе. А вообще Витя был очень ревнивый — ревновал буквально к каждому столбу.

— А вы его?

— Ну как сказать... Меня очень раздражали его поклонницы. Они могли позвонить и в пять утра, вечно говорили какие-то гадости.

— Лариса, за 14 лет ни разу не приходила в голову мысль: "Все, с меня хватит"?

— Были, конечно, проблемы. Когда Витя выпивал. После смерти младшей сестры Ольги, тоже актрисы Театра на Юго-Западе, с ним произошел какой-то надлом. Но это было еще до нашей встречи.

— Мне говорили, что отец Виктора считает, что его сын начал пить, когда связался с вами.

— Может, он так и считает. Я, например, все его вспышки списываю на то, что человек поте

рля двух детей. Да и не молод уже — ему 74 года. Витя мне сам рассказывал, с чего это все у него началось. У Гали, его предыдущей жены, был брат, который очень любил это дело. "Чего ты мучаешься, — говорил он Вите, когда тот лавался на бессонницу, — выпей стакан водки". Витя раз выпил, два выпил, а потом потихоньку вошел во вкус. Но я не могу сказать, что он так уж жутко пил.

— С середины 90-х Авилов перестал сниматься в кино. Ему хватало одного лишь театра?

— Почему же одного. У Вити был Театр на Юго-Западе, потом он играл в театре, который назывался "Киноспектакль". Там сначала показывали кино, а потом из экрана вываливались актеры, и действие продолжалось уже на сцене. Еще спектакль "Скамейка" — это антреприза с Аленой Кузнецовой, театр "Артаус", где он играл "Парфюмера", потом появился этот Новый Русский Украинский театр с "Мастером и Маргаритой"... А насчет кино он всегда говорил: "Буду нужен — меня найдут. Если нет — у меня всегда есть театр".

— Многие считали Авилова недолгим, одиночкой.

— Да, это действительно так. Иногда я злилась, говорила: "Тебе нужно было вообще родиться волком и жить в тайге, если ты не умеешь общаться с людьми". Если Витя что-то не нравилось, тяжело было всем. Чужим не любил. У нас, например, очень мало фотографий, где мы вместе. Потому что, если ехали в отпуск, я фотографировала Вито, Витя — меня. Все — никого лишнего.

— У вас была машина? Почему спрашиваю: нередко приходилось видеть его в метро. Помню, сидит напротив: в длинном пальто, нагнувшись на глаза широкополую шляпу, чтобы никто не узнал...

— Ну да, потом он стал ездить без шляпы, потому что понял, что и она не спасает... У нас была машина "Мерседес-230". Но сломалась, и Витя продал ее на запчасти. И после этого все мечтал купить себе белый "Мерседес": 500-й кузов.

"Нам сказали: займитесь наркотиками, чем дальше — тем больше"

— Где-то за неделю до смерти Виктора в прессе появилось сообщение о некотором улучшении его состояния.

— Вдруг в один момент у него прекратились боли. Вообще. И я посчитала: вот оно, улучшение. Во-первых, он начал вставать, сам ходил. По чуть-чуть. В туалет, до машины, гулял немного. А потом: раз — и все, парализовало ноги. Резко упал гемоглобин — до 23.

— Он сам верил в то, что еще может выкарабкаться?

— Нет, он все знал. В одной больнице нам предложили 5-дневный курс химиотерапии и радиологии. Я пришла к Вите и честно обо всем рассказала. Он грустно так на меня посмотрел: "Ты представляешь меня без волос и зубов?" "Нет", — отвечаю. "Я себя тоже". И написал официальный отказ.

Буквально за пять часов до Витиной кончины к нему пришла. Он сидел на подушках, я поставила ему катетер через нос в желудок — кормили его смесью. Витя все повторял: "Не надо мне этого, не надо". А потом сказал: "Положи голову мне на плечо". Погладил меня по волосам, говорит: "Лара, я так тебя люблю. Ты прости меня за все".

— Лариса, каково это — жить, зная, что в любой день все может закончиться?

— Это поймет только тот, кто пережил подобное... Когда ты видишь, что с человеком происходит из-за этой чертовой болезни. Он просто не понимал, в какой реальности находится. Спрашиваю его: "Витя, ты знаешь, где мы?" "В Питере", — говорит. "Почему в Питере?" — "Не знаю, чего-то мы приехали в Питер". Потом, когда ноги отнялись, он мне сказал: "Лар, пошли погуляем в лес". В основном лежал без сознания. Иногда включался: "Лар, подожди. Обними меня". Я сажусь. "Тебе тяжело?" "Да нет, — отвечаю, — Витюш, все нормально". "Нет, тебе тяжело". И снова отключается.

— Смерть после такой болезни иногда называют облегчением. Вы так можете сказать?

— Что так быстро все случилось — да. Знаете, буквально в первую ночь после Витиной смерти мне приснился сон. Как будто мы стоим в деревянном рубленом доме, в горнице. Витя весь такой беленький: молодое ухоженное лицо, волосы. Но без глаз. Я иду вперед, он держится за меня. Проходим эту горницу, начинаем подниматься по длинной деревянной лестнице. А он мне повторяет одну и ту же фразу: "Лара, ты только не упади. Смотри не споткнись — я ведь за тебя держусь". Это единственный раз, когда он мне снился... (По цитатам Ларисы побежали слезы.) Я понимаю, что ему там легче. Но мне так хотелось, чтобы он жил.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

Кадр из фильма "Узник замка Иф".